

Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома»

Александр Б. Асташов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, astashsh@yandex.ru*

Аннотация. В статье, написанной с использованием архивных материалов, партийной и комсомольской печати, этнографических исследований, анализируется развитие крестьянско-молодежного мира, в составе его основных половозрастных групп в рамках крестьянского мира, накануне и в ходе коллективизации. Основной акцент делается на динамике трансформации таких аспектов жизни молодежи, как участие в различных формах хозяйствования, семья, культура, быт, религия. Ставится вопрос об эффективности попыток влияния партийно-комсомольских органов в деле использования различных форм жизни молодежи в формировании социалистической деревни через кооперацию и коллективизированные хозяйства. Автор приходит к выводу о значительной устойчивости молодежного мира перед лицом вмешательства советских органов во внутреннюю жизнь молодежи, неуклонное развитие таких сторон модернизации этой группы, как перестройка семьи на личностных основаниях, рационализации сознания, секуляризации культуры и быта. Политика партийных и комсомольских организаций на селе объективно содействовала модернизации всех сторон жизни деревенской молодежи как части современного общества в его «социалистической» форме.

Ключевые слова: крестьянский мир, крестьянская молодежь, комсомол, коллективизация, культура, быт

Для цитирования: Асташов А.Б. Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 101–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-101-119

The peasant-youth world at the time of the “Great break”

Aleksandr B. Astashov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, astashsh@yandex.ru*

Abstract. The article, written with the use of archival materials, party and Komsomol press, and ethnographic research, analyzes the development of the peasant-youth world, within its main sex and age groups within the peasant world, on the eve and during collectivization. The main emphasis is placed on the dynamics of transformation of such aspects of youth life as participation in various forms of farming, family, culture, everyday life, and religion. The question of the effectiveness of attempts to influence the party and Komsomol bodies in the use of various forms of youth life in the formation of the socialist village through cooperation and collectivized farms is raised. The author concludes that there is considerable resilience of the youth world in the face of the intervention of the Soviet organs in the internal life of the youth, the steady development of such aspects of the modernization of this group as the restructuring of the family on personal grounds, the rationalization of consciousness, the secularization of culture and everyday life. The policy of the Party and Komsomol organizations in the countryside objectively contributed to the modernization of all aspects of the life of rural youth as part of modern society in its “socialist” form.

Keywords: peasant world, peasant youth, Komsomol, collectivization, culture, life

For citation: Astashov, A.B. (2022), “Peasant-youth world in the age of the ‘Great break’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 101–119, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-101-119

В литературе, посвященной переломному моменту в истории российской деревни, скромное место занимает роль крестьянской молодежи, она практически не отделяется от остальной массы крестьян. При этом в «советской» историографии подчеркивается активная помощь партии со стороны самих крестьян, включая молодежь, в подготовке и проведении коллективизации [Ипполитов, Слезин 2018; Кедров 2018].

Наоборот, в западной историографии молодежь, проявлявшая активную провластную позицию накануне «великого перелома», стала жертвой ускоренной коллективизации и фактически отстра-

нилась от участия в этом процессе [Фицпатрик 2001]. В настоящей статье проводится анализ настроений крестьянской молодежи как части «крестьянского мира» и деятельности советских органов в деревне накануне и в ходе коллективизации для решения проблемы социалистического строительства на селе. В работе используются архивные материалы, этнографические обзоры деревни и партийно-комсомольская печать.

В начале 1920-х гг. перед руководством страны встал вопрос о развитии социалистического строительства в условиях задержки мировой революции. Основным направлением было подтягивание социалистических перемен в деревне в условиях общего сельскохозяйственного подъема. Партия провозгласила политику «лицом к деревне»: готовить базу социализма в деревне как самой отсталой в социально-политическом плане части общества и одновременно важной для экономики страны. В решении этой задачи партия и комсомол опирались на ленинскую концепцию кооперации. Ее смыслом являлось перенесение задачи строительства социализма с директивно-политических методов в область культуры, всей деревенской жизни, включая быт¹.

Особые надежды в решении этих проблем возлагались на молодежь как на действенную часть общества, не зараженную взглядами и идеями прошлого. Речь шла о буквальном создании очагов в виде сельскохозяйственных коммун, состоявших из комсомольцев и сознательных крестьян. Это же касалось перестройки быта: борьбы с религией, развития передовых взглядов, просвещения. Таков был план переворота в деревне без административного нажима, без «перелома», через конкретные дела и успехи агентов коллективизации в виде молодежи.

Молодежь составляла важную часть крестьянского населения: 35,5% в возрасте 11–25 лет, что было равно остальному взрослому населению. Мужская часть молодежи обладала высоким статусом, практически постоянно была на отходе, пользуясь большой свободой в передвижении, вообще организации своей жизни, за исключением возможности работы непосредственно в городе, на фабриках. Важной частью молодежи были девушки, которых было больше, чем ребят, за счет мобилизованных, ушедших в отход. Крестьянская девушка вообще находилась в особом положении по месту в хозяйстве: деревня практически держалась на женщинах, была «бабьей». Это определяло все стороны быта девушки-крестьянки: ее место в домашнем хозяйстве, статус в деревне, невозможность

¹Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 45. С. 369–377.

свободно «гулять», уйти на фабрику, тем более учиться, узость круга ее интересов².

Тяжелой была судьба девушки-батрачки. Ее жизнью распоряжался отец, который, будучи не в состоянии обеспечить приданое дочери, сдавал ее в батрачки кулаку. Последний же, заставляя работать девушку за приданое, всячески ее обманывал, нещадно эксплуатируя, применяя даже сексуальное надругательство³. Тем самым понятия «кулак» и «старик» для работницы были равноценными.

Объективным союзником в жизни молодежи являлись маленькие дети («мелочь»). Не обладая какими-либо правами, дети выполняли массу хозяйственных технических подсобных работ и составляли обособленную, часто враждебную по отношению к «взрослым», замкнутую группу⁴.

В социальном плане молодежь на 75% состояла из середняков и бедняков, включая батраков. Именно молодежь рассматривалась естественным союзником партии в продвижении к делу социализма, что отражалось и в быстром росте комсомольских организаций: 33 тыс. ячеек и 660 тыс. комсомольцев в деревне (на 1925 г.). Правда, опора партии, молодежь, составлявшая 40–60% учтенного батрачества, была отсталой, непосредственно соприкасалась с враждебной, классовой средой кулачества. Не способствовало изменению социальной ситуации в деревне и дело образования. Детей плохо учили, отмечалось падение школьной дисциплины, низкий уровень культуры⁵.

Молодежи противостояла группа середняков и кулаков. Поддерживая нэп, они эффективно использовали механизмы кооперации, чтобы заставить их работать на себя. Главной их целью было

²Зиман Ф. Крестьянская девушка и Р.Л.К.С.М. М.: Молодая гвардия, 1924. С. 4–6; Комсомол лицом к деревне. Комсомол и крестьянская молодежь. М.; Л.: Мол. гвардия, 1925. С. 60; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001. С. 206; Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 53; Голубых М.Д. Казачья деревня. М.;Л.: Госиздат, 1930. С. 120, 185.

³Комсомол лицом к деревне... С. 67.

⁴Мурин В.А. Указ. соч. С. 17.

⁵Росницкий Н.А. Лицо деревни: По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенск. губ. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 105, 127; Варламов И. Основные задачи комсомола в деревне. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. С. 15; Работа профсоюза и комсомола среди батрацкой молодежи. М.: Изд. ЦК Союза Сельхозлесрабочих СССР, 1927. С. 4, 5.

недопущение социалистической кооперации и коллективизации. Материалы обследований деревни показывали полное засилье кулаков, зажиточных крестьян, торговцев в сельсоветах и волисполкомах⁶.

У крестьянской молодежи существовали свои настроения, не всегда совпадавшие с пожеланиями партийных работников. Уже со времени мировой войны произошла серьезная перемена в отношениях крестьянской молодежи к родителям⁷. Исчезло почитание, сыновнее послушание, крестьянская власть в лице волостного управления. Однако у родителей, «стариков» еще оставались рычаги воздействия на непослушную молодежь в виде хозяйства, опыта, которыми они не торопились делиться с молодыми. Особенно это касалось девушек, требовавших «наряда» на будущую свадьбу⁸.

В частушках рассматриваемого периода ярко выражены негативное отношение молодежи к родителям, старшим в крестьянской семье, которые «лезли не в свои дела». В частушках содержались угрозы уйти из семьи, бросить хозяйство, сменять мать на «аттрактор», заявления, что не боятся никого, что теперь «сами камисары, сами председатели». Доходило и до прямых столкновений молодежи с родителями. В целом в деревне вплоть до коллективизации продолжал оставаться острым конфликт поколений, начавшийся еще в конце XIX в.⁹ [Фицпатрик 2001, с. 32].

Основным нервом противоречий в деревне между стариками и молодыми был брачный вопрос. Старики настаивали на «выгодной» партии, навязывая молодым их «вторую половину». Молодежь, особенно девушки, полагала, что вопрос собственности в этом случае противоречит интимным, личным привязанностям. В целом молодые считали, что «человек дороже дому», требовали «выбирать человека», отвергая богатство как главный мотив в определении судьбы молодых, что сближало их представления с тем, что утверждала советская власть в своем неприятии «буржуазности в браке». На первое место ставилось само право на любовь, «выход замуж за любых». Любовь «по мысли», «гульба» понимались как

⁶Росницкий Н.А. Указ. соч. С. 32–36, 38, 63.

⁷Комсомол в деревне: Очерки / Ред. В.Г. Тана-Богораза. М., Л.: Госиздат, 1926. С. 115.

⁸Мурин В.А. Указ. соч. С. 11, 12, 17; Голубых М.Д. Указ. соч. С. 212; Дорогу живому делу! (опыт сельских ячеек ВЛКСМ Псковской губернии). Изд. Псковского губкома ВЛКСМ, 1927. С. 8.

⁹РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 39. Л. 3об.; Оп. 4. Д. 6. Л. 3, 20–22, 24, 36; Д. 9. Л. 5, 42; Д. 22. Л. 10–11; Мурин В.А. Указ. соч. С. 13–16.

«воля», свобода. В частушках это подкреплялось словами Максима Горького, который «повелел любить всегда»¹⁰.

Однако о «любви» в деревне как о социальном, тем более «философском», вопросе не говорили. Господствовали практические представления об отношениях полов. Добрачная половая связь стала чаще по сравнению с довоенным временем, но была значительно реже, чем в городе. В нее вступали чаще батрачки или работницы совхозов, не испытывавшие давления своей семьи. Опять же, свобода любви не означала «свободной любви». По существу, молодежь не жила половой жизнью в буквальном смысле, ограничиваясь невинным обменом интимных отношений (поцелуи, обнимания и т. п.). Ухаживания так и оставались ими, без брака, который продолжал происходить по указанию родителей. Ждали 18 лет, когда отцы женят. Женитьба по любви являлась даже объектом насмешек, ее стыдились. Понятия же «гражданского брака», разводов были очень редки. Молодежь была за свободный брак, но против частых разводов: «кому она будет нужна, такая подержанная»¹¹.

Собственно разводы осуждались как «мода новомодная». Если раньше, до войны, измены терпели, теперь ни муж, ни жена их не прощали, подавая на развод. Выбор жениха или невесты теперь не зависел от семьи, будучи заменен регистрацией брака в «исполкоме», в «камитете». Присутствие государства («комиссаров») стало важным аспектом в брачных отношениях, включая последующую судьбу ребенка (в случае развода). Алиментов крайне боялись и мужья, применявшие побои, и парни, предлагавшие девушкам «свободную любовь». Алименты, в сущности, прекращали зависимость от мужа, давали женщине реальную свободу в выборе своей судьбы. В целом девушки, молодые женщины видели в новых законах о браке («декретине») «бабские права», порою даже злоупотребляя ими. Развод с последующим новым браком был утвержден в новом законе о браке, которому, в сущности, не препятствовал даже священник, вновь венчая разведенных и тем нарушая «святость брака»¹².

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 21. Л. 8; Д. 39. Л. 13; Оп. 4. Д. 9. Л. 47, 49, 68, 71, 85; Д. 22. Л. 12, 18.

¹¹ Голубых М.Д. Указ. соч. С. 188; Мурин В.А. Указ. соч. С. 95–97, 113; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001. С. 198, 208.

¹² РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 30. Л. 12об.; Д. 39. Л. 13, 17; Д. 36. Л. 2об.; Оп. 4. Д. 21. Л. 81–84; Д. 22. Л. 3, 5, 6об., 6, 8, 10, 11, 14, 246; Мурин В.А. Указ. соч. С. 96, 97; Голубых М.Д. Указ. соч. С. 206, 208, 209; Крестьянские истории... С. 189, 190; Комсомол в деревне. Очерки... С. 172.

Крайне важные перемены на селе были связаны с религиозностью крестьян, которая освящалась 1-й и 5-й заповедями (отношение к Богу, властям и родителям). Ситуация еще более обострялась непереносимым стремлением новой власти ограничить такое влияние церкви. Внешне казалось, что молодежь отвыкает от религиозных обрядов: нецерковные браки стали обычным явлением, в монастырь на поклон ходить перестали. Девушки на гулянье снимали крест, стыдись перед парнями. Наблюдательность и вольность в рассуждениях о боге. Священники потеряли неприступный взгляд, авторитет и сам вид «духовного пастыря», вообще были плохо одеты, являлись объектом насмешек¹³.

Антирелигиозные частушки являлись второй по значимости формой выражения молодежных настроений после выступлений против родителей. Множество частушек были направлены против венчания, которому противопоставлялся свободный выбор брачного партнера как проявление «воли Боговой». Но особенно много частушек было направлено против священников, «попов». Им вменялись, как это часто было на Руси, разврат, стяжание, пьянство. Духовное водительство отдавалось советской власти («нам не надо попов, даешь Ленина!»). В частушках подчеркивалось нежелание вообще ходить в церковь, падение ее авторитета («потому что враки»). Осмеянию подвергались не только «попы», но и все, кто «без мозгов», не порвал с религией¹⁴.

Власти, однако, переоценивали антирелигиозные взгляды молодежи. У девушек отмечали сомнение идти замуж без церковного брака, имела место мнимая безбожность, неспособность заместить понятия о боге рациональными представлениями. Допускалось существование нечистой силы, «чудодейственного уголька», «суровой нитки», сглаза, походы к гадалке, желание найти счастье в расположении карт. Отсюда неверие вообще в науку, даже в образование. Девушки продолжали отдавать дань религиозным обрядам. Часто они посещали церковь под нажимом домашних, в крещение покупали «святую воду», в доме перед образами ставили свечи¹⁵. Крестины и

¹³ Мурин В.А. Указ. соч. С. 37, 47–48, 126–127; Крестьянские истории... С. 177.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 15. Л. 3; Д. 30. Л. 10об., 12об.; Д. 39. Л. 3, 18; Оп. 4. Д. 6. Л. 52–56; Д. 21. Л. 64, 66, 71; Д. 22. Л. 6, 8; Д. 9. Л. 43; Мурин В.А. Указ. соч. С. 128, 135, 139–141; Голубых М.Д. Указ. соч. С. 270.

¹⁵ Мурин В.А. Указ. соч. С. 94. 33–38, 129; Росницкий Н.А. Указ. соч. С. 89; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922. М.: РОССПЭН, 2000. С. 264–265.

свадьбы без попа или в пост были редкими явлениями. Не принимала молодежь и новых советских обрядов: крестин с новыми именами и т. п. Особенно проявлялась «солидарность» стариков и молодых в праздновании Пасхи. В целом «покончить с поповщиной» новой власти так и не удалось вплоть до эпохи коллективизации¹⁶.

Большие перемены коснулись и общего быта молодежи. Сравнивали время раньше («как в тюрьме», «не видя свету») с новым, когда посещали избу-читальню, слушали радио, читали газеты. В частушках девушки призывали подружек «бросить старые порядки, отвыкать поскорей», а ребят – оставить хулиганство. Молодежь была готова даже заняться физкультурой, футболом (парни), но без крайностей внешнего вида: теннисок-безрукавок, трусиков. Однако в поведении молодежи оставалось еще и много привычного: много пили, курили, очень рано начинали гулять (с 12 лет), не всегда изба-читальня и газета привлекали молодежь. К тому же взрослые смотрели на культурные развлечения неодобрительно. Скорее отпускали молодежь на «вечерку», чем для чтения книги или в драмкружок¹⁷.

Коснулись перемены и внешности. Девушки отказывались носить косу, требовали стрижки, «юбочки коротеньки, коленочки видать». Особенно шокировал родню такой вид: «Грудь открыта, креста нет, и Богу не молится». Девушки были увлечены нарядами, которые они ожидали осенью, когда в семье родители разделяли доходы от продажи льна и холста. Впрочем, «наряда» требовали и парни. Именно требование наряда служило причиной частых семейных ссор, скандалов, хозяйственной неурядицы. Корреспонденты в требовании нарядов, а также в изменении лексикона (слова: «пardon», «мерси») видели усиление влияния городской культуры. Произошли перемены в отношениях парней и девушек. Еще до войны эти группы гуляли отдельно друг от друга. Начиная с войны гуляли вместе. Гуляния были, в сущности, вполне невинные, хотя от поцелуев происходило распространение венерических болезней в деревнях¹⁸.

Новый быт часто противоречил принятым формам отдыха. Так, молодежь только и думала о праздниках в дни, когда, по представлениям комсомола, необходимо было посвятить время труду.

¹⁶ Мурин В.А. Указ. соч. С. 43–45, 47; Крестьянские истории... С. 178.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 9. Л. 25; Д. 21. Л. 20; Д. 22. Л. 8, 13; Мурин В.А. Указ. соч. С. 60; Голубых М.Д. Указ. соч. С. 184.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 8, 10; Оп. 2. Д. 45. Л. 2; Мурин В.А. Указ. соч. С. 22, 29, 40, 42, 52, 61–63, 69, 82, 94; Голубых М.Д. Указ. соч. С. 176.

Советские праздники почти не прививались в деревне, так как они не совпадали с принятым расписанием работ. Крайне редко удавалось привлечь молодежь на комсомольскую пасху и комсомольское рождество путем устройства увеселительных развлечений. Причину видели в отсутствии необходимых материалов: не было волшебного фонаря, диапозитивов, серьезной, хорошо сыгранной антирелигиозной пьесы. Впрочем, отмечался рост культуры на селе: безбожие, уменьшение роли посиделок, чтение книг, интерес к учебе. Но это казалось не всей, а только «передовой» молодежи. «Кулацкая молодежь» меньше читала, вообще была менее культурная. Одним из признаков отсталости, язва прошлого, был самогон: его изготовление и потребление¹⁹.

В частушках отражены противоречивые отношения к руководству страны: от насмешливых, двусмысленных (я в спальенке своей «Ленина повесила») до вполне верноподданических: купила Ленина портрет, вышью Ленина портрет и т. п. С прямо антиленинскими (Ленин «без порток пятилетку догонял») соседствовали уважительные к вождю: «По заветам Ленина идем». Зато было доверие, и даже надежда вообще на «Совет», «Горсовет», «камисаров», «исполком», которые «всем по миленочку дадут», если подать заявление, вступятся, если муж начнет колотить. При признании вообще советской власти («по нраву») частой была критика законов об алиментах, самих комсомольцев, что пьют, а то и потворствуют (на суде) самогонщикам²⁰.

Будучи неопределенными в политическом отношении, частушки однозначно содержали мотивы социальной ненависти к богачам, «мироедам», грозились дать «кулакам по шее», «добить их партиячейкою», ждали, что «наши кулаки начинают чахнуть», осуждали вообще «кулацкую нацию». Девушки призывали оставить кулаков, а любить бедняков, так как ныне «красные по моде». Распевала молодежь и «кулацкие» частушки, являвшиеся просто насмешливыми, что характерно для крестьянского юмора. Так, записавшимся в колхоз грозило остаться «без обеда, без лошади, без яиц», одеваться «стометровым одеялом». Саму коллективизацию рассматривали как прощание с зажиточной, сытой жизнью, так как Ленин «украл» у крестьян сено, «видели», как «камисар задавился на суровой нитке» и т. п.²¹

¹⁹ Мурин В.А. Указ. соч. С. 22, 29, 40, 42, 52.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 15. Л. 2; Д. 30. Л. 10; Д. 39. Л. 1об., 2; Оп. 4. Д. 22. Л. 1–3, 6об., 12, 13; Мурин В.А. Указ. соч. С. 138.

²¹ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 8. Л. 70; Д. 15. Л. 3; Д. 21. Л. 3об., 15об.; Д. 22. Л. 9, 11, 16, 18, 20, 21, 23, 26, 28.

Особенно много частушек о комсомоле и комсомольцах. Комсомол хорош тем, что гарантировано «даст милого». Стать комсомолкой означало повысить свой статус (комсомолец не даст в обиду), претендовать на отношения с агрономом, коммунистом, стать делегаткой. По существу, это частушки о парнях, предлагавших необычные формы знакомства, передовые представления, новые пути дружбы и любви. У комсомольца «развитая голова», «завлекательные глазки», «знает больше вашего», вообще «много интересу». Привлекала и новая, недеревенская форма флирта: комсомолец предлагал «Ленизму научить», звал ухагориться, комсомолиться, «хороводиться». Вообще комсомольцы представляли образец положительности: «прямо загляденье, дельны, умны все они – прямо удивление»²².

Как правило, все отношения девушек с комсомольцами осуждались родителями, тем более если речь шла о свадьбе. Попытки родителей не дать венчаться с комсомольцем приводили к красной свадьбе («собачей свадьбе») в клубе. Девушки сокрушались, что матери запрещают записаться в комсомол, чем позорили их в глазах парней. Тайный же переход в комсомол рассматривался как «изменушка» родителям, опасениями, что заругают. Такой шаг означал полную перемену: разрыв с семьей, утрату веры, был опасен из-за славы о комсомольцах: «богу не боятся, черту предалися, людей сторонятся», отреклись («отрекатели») от старой веры, от семьи, в ад попадут, у них много денег («много денег накопили, себе Ленина купили»). Менялся и внешний вид девушек-комсомолок: вместо платочков надевали шаль, вместо традиционной голубой ленты – красную, прекращали «мазать рожи» (пользоваться косметикой), флирт теперь превращался в вызов и борьбу («ходить в атаку на блондинку жгучую»). Чтобы комсомольца любить, надо было измениться и внешне: поинтереснеть, «чище ходить», иметь «юбочку с оборочкой, волоса с кудерочкой». Для девушек отношения с комсомольцами означали «не бояться славы», переход в мир, где «все по-новому пойдет», «сразу измениться», быть готовой «уехать в даль»²³.

Правда, бытовали и злобные частушки про комсомольца, который «задавился на нитке». Упрекали комсомол в озорстве: при народе лезут целоваться. Но в целом противопоставляли комсомольцев хулиганам, шпане, с золотыми кольцами, «богатеям». Выходить замуж собирались только за комсомольца, а не за «Митьку

²² РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 22. Л. 4, 4об.; Д. 61. Л. 1, 1об.; Оп. 4. Д. 22. Л. 44, 47, 49, 50, 53, 54; Д. 23. Л. 21.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 39. Л. 9; Оп. 4. Д. 22. Л. 42–54.

богомолу», у кого «лапотки худые», вообще за «мужика», за неграмотного. Группа молодежи даже расширялась за счет пионеров: в барабаны грохают, ухаживают за комсомолочками и т. п. В целом комсомольцы рассматривались как «новая молодежь», с новыми приемами ухаживания, планами на жизнь²⁴.

Много частушек было посвящено коммунистам, но не в связи с их «программой», а как удобного для гуляния, «положительного» по характеру, перспективного будущего супруга, в отличие от беспартийного, богача, в котором «мало интереса». Не было преградой и то, что девушка – «спекулянтка». Гуляние с партийным позволяло перешагнуть и большую возрастную разницу, что на деревне было категорически запрещено. Ставки даже поднимались, если будущий супруг коммунист, член губкома, член ЦК и т. п. Трудности возникали, только если стороны были разных позиций: партийной и беспартийной. Это приводило к «любви канительной»²⁵.

Корреспонденты отмечали политическую неопределенность молодежной (как и всей) деревни: одни за коммунистов, советскую власть, другие против. Ругали и тех, и этих. Таковую неопределенность партия предполагала преодолеть путем привлечения к делу строительства новой советской деревни всей массы крестьянской молодежи. Начать предполагалось с поиска из крестьянской молодежи лучших, наиболее опытных, грамотных и добросовестных ребят-комсомольцев, не матерщинников и не курящих, а затем – включить в свои ряды всю массу крестьянской молодежи – батраков, бедняков и середняков. Комсомол должен был стать проводником влияния партии на крестьянство²⁶.

Упор в решении задач особенно делался на батрацкую молодежь, которая должна была видеть в комсоколе своего защитника. Происходило это путем заключения договоров с кулаками, где оговаривались условия труда, зарплата молодежи. Одновременно комсомол должен был научиться подходить к крестьянской молодежи, особенно «изучив психологию девушек», воздействовать на них через вечера, комсомольские посиделки, гулянки, улицы. Предполагалось «наиболее передовых девушек» втягивать в работу

²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 43, 47, 49–51, 53.

²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 5; Д. 30. Л. 60б. Д. 36. Л. 12об., 13; Оп. 4. Д. 22. Л. 5, 11; *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 183.

²⁶ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 271; *Варламов И.* Указ. соч. С. 8; Комсомол в деревне. Очерки... С. 113; Работа комсомола в деревне (резолюции и постановления совещаний секретарей деревенских ячеек комсомола при ЦКРЛКСМ). Свердловск: Изд. Политпросветотдела Уралобкома Р.Л.К.С.М., 1924. С. 2.

кружков, где и начать их понемногу «перевоспитывать» через шашки, шахматы, плакаты, воззвания, вербовку гармониста, беседы, лекции, доклады. Штаб этой работы предполагалось разместить в избе-читальне²⁷.

Борьба с «религиозным дурманом» являлась важнейшей частью культурной работы. При этом в партии призывали отказаться от грубых методов борьбы с «поповщиной, а сосредоточиться на рациональном объяснении естественного, животного и общественного процессов жизни. Для этого необходимо было развивать знания в среде самой молодежи, книжную учебу. Особенно важным и своевременным считалось вести меры против болезней, вызванных антисанитарным состоянием деревни. Это помогало бы вести и борьбу со знахарством как части отсталых и даже вредных взглядов. Предполагалось осуществить и революцию в половой жизни, искоренить половую распущенность, вольность некоторых комсомолок, их пренебрежительное отношение к беспартийным подругам, сохранившийся у ребят взгляд на женщин как на низшее существо²⁸.

Много внимания уделялось образцовости и примерности комсомольцев как хозяев, так как бесхозяйственность крестьяне не любили, презирали и не считали возможным подражать как примеру «коммунизма». Сначала стремились из совхозовского рабочего сделать хорошего показательного рабочего в деревне, организовав при совхозе школу типа фабзавуча²⁹. Труднее было сделать из крестьянина «рабочего» на селе. Важным методом внедрения и научения социализму (образовательной работы) в деревне должна была стать школа крестьянской молодежи. Она способствовала закреплению приобретенных знаний путем «живого труда». Предполагалось, что «шекамята» свои знания будут нести в хозяйства отцов, «в жизнь», «оплодотворяя ее» посредством полученных в ШКМ знаний. Агрокультурное воздействие такой работы в хозяйстве приравнивалось к деятельности агронома. Правда, на самом деле в работе школы было еще много неверных шагов и ошибок. Во многих случаях сами работники не имели ни достаточной квалификации, ни опыта, происходил отрыв учебы от работы, имела место перегруженность учеников, что мешало сосредоточиться на своей прямой работе³⁰.

²⁷ Комсомол в деревне (Сборник материалов по работе ячеек Р.К.С.М. в деревне). Тамбов: Изд. Тамб. губкома Р.К.С.М., 1924. С. 4, 7–8, 29.

²⁸ Варламов И. Указ. соч. С. 52–53.

²⁹ Там же. С. 21, 27–28; Комсомол в деревне (Сборник материалов)... С. 35.

³⁰ Большаков А.М. Деревня 1917–1927. М.: Работник просвещения, 1927. С. 249, 250, 254, 261–262.

Главной задачей комсомола было развитие сельских хозяйств на более крупных основах. Распространение агрокультурных мероприятий в крестьянстве шло по линии укрепления хозяйственной мощи бедноты и кооперирования деревни (коммунальные запашки, показательные комсомольские десятины), участие в массовых агрокультурных кампаниях. На этой основе предполагалось выстроить деловое сотрудничество комсомола с крестьянством и выполнение им своей роли как помощника партии. Блок комсомольцев с передовиками-крестьянами предполагалось создать путем борьбы с безработицей в деревне. Тем самым удалось бы пресечь бегство молодежи в города³¹.

Следуя кооперативному плану Ленина, партия ставила задачу перед комсомолом, работая «по науке», получать в 2–4 раза больше продуктов от земли, чем остальные крестьяне. Комсомольцы должны были стать примерными, культурными домохозяевами, используя механизмы кооперации. Тем самым борьба с кулаком продолжалась, но экономическими мерами, через кооперацию в торговле, при помощи бедняку и середняку в организации их экономических сил³². Особенная ставка делалась на батраков и бедняков как наиболее близких партии и комсомолу. При этом понимались и трудности: батрак был распылен, некультурен, забит, часто угнетен кулаком³³.

Предполагалось, что основная работа среди батраков по защите их интересов перед кулаками будет проводиться во Всеработземлесе (профсоюз всех сельских рабочих). Там будут заключаться трудовые договора, выявлять скрытую эксплуатацию (родственники, приемные дети), ограничивать труд малолетних, регулировать продолжительность рабочего дня, решать вопрос улучшения быта батраков³⁴.

В 1926–1927 гг. в рамках борьбы за культуру проводились многочисленные районные и сельские совещания комсомола, молодых хозяев, сельскохозяйственные конкурсы, выдавались пре-

³¹ Комсомол в строительстве новой деревни. Вып. 1. М.; Л.: Мол. гвардия, 1926. С. 87, 97; Работа комсомола в деревне... С. 2.

³² Комсомол в деревне. Очерки... С. 12; Комсомол в строительстве новой деревни... С. 10–11, 74–75, 98, 137–141; Носов В. Комсомол и делегатка-крестьянка. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 7, 9, 13.

³³ Работа профсоюза и комсомола среди батрацкой молодежи. М.: Изд. ЦК Союза Сельхозлесрабочих СССР, 1927. С. 4, 5, 8, 12, 31; Комсомол лицом к деревне... С. 28, 86, 103, 105; Комсомол в деревне (Сборник материалов)... С. 26, 34.

³⁴ Работа комсомола в деревне... С. 10, 11.

мии за выполнение конкретных видов работ. Одновременно вели ликвидацию сельскохозяйственной неграмотности посредством сельскохозяйственных кружков для закрепления новых достижений комсомола. Другой путь культурной работы касался влияния на собственно крестьян через создание машинных товариществ из бедноты, проведение ремонта трактора, его приобретение, строительство клуба. Крестьяне объединялись для получения ссуды в противовес кулацкому кредиту, посадки корнеплодов. При этом использовался опыт комсомольцев-домохозяев. Таким образом решалась проблема увязки общественного и личного хозяйств. Для продвижения агрономической пропаганды в деревне предполагалось создать силами комсомольцев актив, чтобы заслужить авторитет среди крестьянства. Создавался своеобразный аналог фабзавуча (школа фабрично-заводского ученичества) – сельхозуч³⁵.

По существу, кооперативы должны были заменить родителей в организации своего хозяйства. Кооператив имел ряд преимуществ: прекращалось влияние патриархальной семьи, работала там только молодежь без социального статуса, в ее работе ценилась грамотность, тяга к новому, это было бы именно молодежное хозяйство. Кроме того, через воспитание, учебу, практику в кооперативном движении готовились бы из молодежи кадры для коллективизации. Тем самым происходило бы превращение бедняцких хозяйств в социалистические кооперативы, революция через сельский пролетариат (бедняков)³⁶.

Однако дело с кооперацией комсомола было печальным. Комсомольцы в деревенской кооперации составляли 10–15% от общего числа членов кооперативов, а в правлениях кооперации – всего 1%. Далеко не все крестьяне были охвачены кооперацией. Здесь существовали серьезные проблемы: прогнать ловкачей, примазавшихся к этому делу, организовать кооперированную молодежь, провести их в члены правления – и все это под руководством комсомольской ячейки. Особенное внимание в повышении культуры уделялось девушкам-крестьянкам, учитывая их «темность, забитость», господство старых привычек и обычаев, невозможность преодолеть запреты семьи на участие в комсомоле³⁷.

³⁵ Комсомол в деревне. Очерки... С. 18.

³⁶ Орлов В. Комсомол и кооперация в деревне. Библиотека рабоче-крестьянской молодежи / Под общ. ред. МК ВЛКСМ. М.: Новая Москва, Юношеский сектор, 1926. С. 16, 46–48, 57, 61–62, 73; Зиман Ф. Комсомол и кооперация в деревне. М.: Молодая гвардия, 1925. С. 33; Работа комсомола в деревне... С. 4.

³⁷ Мурин В.А. Указ. соч. С. 89, 90.

Комсомол шел навстречу пожеланиям молодежи не жить в темноте, помогал крестьянке чем мог, защищал ее, если муж или отец по старинке «учили» женщину побоями. В то же время из деревни сообщали, что фактически работы среди девушек нет, отсталость не удавалось преодолеть. Была проблема в радикальности антирелигиозной пропаганды, что отталкивало крестьянок от избы-читальни. Буксовала работа с девушками в возрасте 21–23 лет, период выхода замуж. Были и проблемы с пониманием девушками-комсомолками своего изменившегося статуса: они после вступления в ряды союзной молодежи демонстрировали именно негативное поведение. Учитывая мизерное количество в комсомоле девушек-крестьянок (22 тыс.), основную часть которых составляли разведенки, ЦК комсомола делал вывод о необходимости большей настойчивости, упорства в проведении работы в этом направлении, применяя индивидуальный подход, специальные собрания девушек, акцентируя внимание на вовлечение в первую очередь девушек-батрачек из бедняцкой среды. Негативно сказывались на работе с молодыми крестьянками неизжитость предвзятого отношения к ним даже среди комсомольцев, неприятие их как товарища³⁸.

Не получая больших сдвигов в кооперации и коллективизации, комсомол в деревне звали к малым делам по улучшению сельского хозяйства: завести показательный огород, выкормить хорошего поросенка, организовать торфоразработки, провести День леса, сдать сельхозналог в срок, агитировать за строительство моста и т. п. Это рассматривалось как основа делового сотрудничества комсомола с крестьянством. Тем самым маленькие дела ввели бы деревню в социализм³⁹.

Много внимания в комсомоле уделялось и собственно культуре быта. Гармошка, балалайка и, главное, граммофон должны находиться всецело под влиянием комсомола. Считали, что революционными песнями и частушками под гармонику удастся скорее отвлечь девушек и парней от пустых разговоров. В некоторых организациях предлагалось в качестве первой задачи внимательнейшее изучение и собирание материалов о быте и развлечениях деревенской молодежи. Среди прочего хотели дать деревне песни, близкие крестьян-

³⁸ Комсомол в деревне. Очерки... С. 20, 54; Комсомол лицом к деревне... С. 18, 87, 105; Работа комсомола в деревне... С. 2, 6; Комсомол в деревне (Сборник материалов)... С. 29; Комсомол в сельском хозяйстве. (из опыта работы Кунгурской Окружной организации ВЛКСМ) / Сост. Абылин, Цветков, Жижев, Крысанов. Кунгур, 1927. С. 1, 3–19; *Носов В.* Указ. соч. С. 4, 6, 29.

³⁹ Дорогу живому делу!... С. 8–11, 13, 16–17; Комсомол лицом к деревне... С. 108.

ской жизни, создать «комсомольские вечеринки» или «красные посиделки» со своими играми и хороводами. В избе-читальне хотели соединить серьезную работу (читки, беседы с беспартийной молодежью) с развлечениями. Не принимая метод «взрывать вечеринки изнутри», ячейки брали инициативу устройства вечеринок, чтобы сделать их одной из основных форм деревенской работы. Это касалось и танцев. Отвергая «мещанские танцы», практиковали танцы народные: пляс, хоровод. Пытались изучать привычки молодежи, собирать частушки и песни, которые созданы комсомольцами в деревне, все это обработать и дать «красную посиделку». Предлагали не закрывать, не облагать налогом, не бежать от посиделок, а идти на них с «самыми добросовестными намерениями», чтобы приблизить их к комсомолу и вместе с этим дать приятное и разумное развлечение молодежи. По отношению к девушкам: ячейки призывали не ругаться, не хулиганить, по-товарищески относиться, в трезвом виде, заменить поцелуи товарищеским рукопожатием, в общем, не навязывая, осторожно «превратить ребячье дело в девчачье»⁴⁰.

В вопросе о развлечениях было несколько проблем. Во-первых, искоренение среди самих комсомольцев пьянства. Выступали ячейки и против танцев своих товарищей, даже в частных домах. Кроме того, для организации «красных посиделок» нужны были новые игры, новые песни. «А пока мы стоим на месте» – констатировали в ячейках. Так, даже печатные частушки отражали больше разврат, нежели новые здоровые нравы. Пытались, правда, сочинять частушки в ячейке: про хозяйство, против церкви. Как правило, эти частушки заметно редактировались, что не делало их популярными в деревне⁴¹. В комсомольской работе были и технические проблемы: разброс головных (волостных) организаций, их отдаленность от уездов, нехватка финансирования для работников. Встречалось и сопротивление, вплоть до избиения, со стороны крестьян⁴².

Кроме пассивного сопротивления деревенской молодежной массы существовали проблемы и в самих комсомольских организациях. Много партийцев систематически пили, а за ними и комсомольцы. Большинство комсомольцев признавались политически неграмотными, чтобы влиять на крестьянскую массу. Вставал вопрос о том, чтобы деревенскому активу вообще покинуть деревню и уйти на партийную работу. Была и проблема с организацией

⁴⁰ Комсомол в деревне (Сборник материалов)... С. 8, 65; *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 83–87. Работа комсомола в деревне... С. 9; Комсомол лицом к деревне. С. 36.

⁴¹ Комсомол в деревне: Очерки... С. 8, 35, 39, 47, 67, 71, 98, 105.

⁴² Комсомол лицом к деревне... С. 14.

сельскохозяйственных кружков, в которых было мало молодежи. Ячейки уклонялись обсуждать вопросы крестьянской жизни, зато ставились доклады об этике и о половой морали⁴³.

В отчетах с мест говорилось о полном отсутствии смычки с передовыми культурными крестьянами. Этому мешала «принципиально-руководительская» точка зрения в комсомоле, нежелание учиться у передовых крестьян. Среди самих комсомольцев бытовала неграмотность, драки, картежные игры, хулиганство, безделье, расхлябанность, самогоноварение, пьянство, а среди партийцев – «подозрительное обогащение». В результате не решалась проблема в снискании комсомольцами популярности и любви у населения, преобразования «подчас совсем дикого быта»⁴⁴.

Особой активностью в утверждении «нового быта» отличались пионеры⁴⁵. Порою их деятельность отдавала подростковым максимализмом. Проводя антирелигиозную кампанию, они контролировали друг друга: срывали кресты, запрещали ходить в церковь. Все это вело к драмам в семье. Зато выступления пионеров с речами в праздники привлекали сельчан. В ячейках даже считали, что через пионеров гораздо скорее можно воздействовать на крестьянство, чем через комсомольцев⁴⁶. Пионеры вели и доносительскую деятельность, в первую очередь против родителей самогонщиков, чем заслужили звание «шпионеры». Вообще, дети воспринимали свое пионерство как-то гораздо серьезнее, проникновеннее, нежели молодежь свое комсомольство. У ребят не было ни карьерных соображений, ни чванства своим званием пионера. Чувствовалось, что дети ощущали свое пионерство как порог новой жизни.

Накануне коллективизации партийные и комсомольские работники отмечали чрезвычайную отсталость и неразвитость своего низового аппарата в деревне⁴⁷. Во время коллективизации предпринимались меры для мобилизации массы комсомольцев и молодежи на практическое осуществление генеральной линии партии. Партийные лидеры заявляли, что комсомол показал себя в период коллективизации неплохо с точки зрения верности линии партии⁴⁸.

⁴³ Комсомол лицом к деревне... С. 20, 34, 62.

⁴⁴ *Большаков А.М.* Указ. соч. С. 334, 335; *Росницкий Н.А.* Указ. соч. С. 78, 79, 83, 85, 86.

⁴⁵ *Носов В.* Указ. соч. С. 19.

⁴⁶ Комсомол лицом к деревне... С. 76, 78.

⁴⁷ Трагедия советской деревни... Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 588.

⁴⁸ *Дерябин С., Тарик Вл.* Комсомол и пионерия Урала на фронте 2-й большевистской весны. М.; Свердловск: ОГИЗ, Уральское обл. отделение, 1931. С. 3, 5–7, 25.

Однако молодежь не всегда принимала коллективизацию, наоборот, резко усилилось бегство в город, желание вообще покинуть крестьянский труд. Свою работу в хозяйстве в деревне парни считали временной и большого рвения к ней не проявляли. В отличие от 20-х, в 30-е гг. комсомол не перехватил инициативу, не играл сколько-нибудь заметной роли в сельской властной структуре. Активные комсомольцы больше пытались сбежать в город, чем занимать руководящие места в колхозах⁴⁹.

Расколу в деревне способствовала и власть, выселяя из деревни именно «стариков». При этом молодежь даже в кулацких спецпоселениях продолжала бороться против «стариков», заявляя о разрыве всякой связи с родителями, упрекая их, что из-за них приходится страдать. В этих поселках партийные организации вели особую работу среди молодежи, организуя из них отдельные бригады для специальных работ – шоссейных, лесорубочных. Отмечали в среде высланных бодрое настроение именно молодняка: игра на гармониках и танцы. Молодежи даже давали права надсмотрщиков над остальными поселенцами, на нее возлагали всю техническую работу, кроме секретной. Из молодежи на 50% формировался штат осведомителей. Но и в ссылке молодежь не прекратила бегство в города⁵⁰.

В 1934–1936 гг. ситуация в деревне изменилась. Оставшаяся молодежь в целом перешла на позиции власти, активно участвуя в колхозном строительстве. Из районов докладывали, что стахановское звено было организовано исключительно из молодежи, несмотря на сопротивление остальных колхозников, насмешки, ругательства и т. п. Молодежь, в подавляющем большинстве своем – это люди, которые считают, что они встали на новую дорогу и по этой новой дороге должны идти под руководством партии⁵¹.

Коллективизация подвела итог опыту по преобразованию молодежно-крестьянского мира. Первоначальная ставка на «культурное», мирное преобразование деревни в социалистическую в 20-х гг. потерпела неудачу. Партии, комсомолу не удалось повлиять на крестьянско-молодежный мир. Молодежь как группа сохраняла свою идентичность на протяжении многих лет после революции, добиваясь перестройки семьи от патриархальной до построенной на личностных началах в составе крупного, производственного по

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22; *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 10; *Большаков А.М.* Указ. соч. С. VII.

⁵⁰ Трагедия советской деревни... М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. С. 117, 118, 128, 285, 296, 302, 349, 351, 455, 526, 607, 740; Т. 4. С. 125.

⁵¹ Там же. Т. 5. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2004. С. 158, 299, 624, 728, 752, 753, 778.

своему характеру хозяйства: или на селе (колхозы), или в городах (на заводах и фабриках). Во всяком случае молодежь следовала тренду модернизации, строительству малой семьи, увеличению своего личного статуса, используя возможности нового социалистического строя.

Литература

- Ипполитов, Слезин 2018 – *Ипполитов В.А., Слезин А.А.* Апогей коллективизации: роль комсомола // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 64–69.
- Кедров 2018 – *Кедров Н.Г.* Сталинская историографическая модель осмысления коллективизации российского крестьянства // Петербургский Исторический журнал. 2018. № 1. С. 173–185.
- Фицпатрик 2001 – *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: Деревня. М.: РОССПЭН, 2001.

References

- Fitzpatrick, S. (2001), *Stalinskie krest'yane. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s. The village], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Ippolitov, V.A. and Slezin, A.A. (2018), "The apogee of collectivization. A role of the Komsomol", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], vol. 433, pp. 64–69.
- Kedrov, N.G. (2018), "Stalin's historiographic model for comprehension of collectivization of the Russian peasantry", *Peterburgskii Istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal], no. 1, pp. 173–185.

Информация об авторе

Александр Б. Асташов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; astashsh@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr B. Astashov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; astashsh@yandex.ru